

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 45 К. И НА СТ. 50 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

1
306
1917

№ 29

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

Рис. А. Радакова.

АВГУСТЪ

„Въ виду невозможности борьбы иными мѣрами съ губящими страну
элементами возстанавливается смертная казнь.“
(Изъ газетъ).

ВАРЯГЪ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Смерть: — Господа, мнѣ даже какъ-то неловко появляться въ роли усмирительницы тамъ, гдѣ сейчасъ должна
это дѣлать сама Свобода...

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

„На этих днях с.-д. депутаты рейхстага имѣли продолжительное собесѣдованіе съ Вильгельмомъ“.

(Изъ газетъ.)

Вильгельмъ: — Говорятъ, что очереди подчеркиваютъ скверное положеніе страны, но зато эта очередь, наоборотъ, рѣшительно спасаетъ мое положеніе...

* * *

Несетъ-несетъ волна безумія
По лону бурь земной ковчегъ...
Какъ воскресающая мумія,
Ты содрогнулся, человѣкъ.

Судьба заботливо печалится,
Чтобъ не остыла кровь твоя,
И ударяетъ тяжелой палицей
Въ тупое темя бытія.

Не слишкомъ ли земля упитана
Людскою кровью третій годъ?
И жизнь — не слишкомъ ли вопить она,
Когда Спасителя зоветъ?

О жизнь, порочная любовница,
Не устающая хотѣть!
Ужель тобою не запомнится
И эта яростная плеть?

Неисправима, нераскаянна,
Ты притворишься вновь, — скажи, —
И побѣжишь на голосъ Каина
Съ улыбкой трусости и лжи?

Такъ пусть же бьетъ, пусть мѣтитъ полосы
На тѣлѣ плеть! Кричи, пока
Тебя влачить, мятеть за волосы
Ожесточенная рука!

Ползи, моли! За боль минутную,
За вопль отчаянья одинъ,
Опять простить тебя, безпутную,
Великодушный Господинъ.

Привыкнувъ быть рабою плѣнною,
Таящейся для вѣчныхъ смуть,
Ты вновь Ему воздашь измѣною,
Когда побой заживуть.

Дмитрій Цензоръ.

П Е Р В О Б Ы Т Н Ы Е.

Фельетонъ Арк. Буховъ.

Первобытные люди жили очень бѣдно. У нихъ не было даже собственнаго министра почтъ и телеграфовъ; можетъ быть, это объяснялось климатическими условіями, а можетъ быть, просто потому, что изобрѣтатель почты — старый паралитикъ шведъ, который нанялъ слугу для развозки писемъ, и слуга въ пьяномъ видѣ терялъ ихъ — родился и жилъ значительно позже.

Извѣстія и слухи передавались, какъ и подобаешь тому времени, первобытнымъ способомъ. Въ селеніе случайно заходилъ незнакомый человѣкъ и начиналъ врать:

— Иду я сейчасъ по дорогѣ, вдругъ вижу бѣжить слонъ. Клыки — во, хоботь — во... Бѣжить, сердится... Здравствуй — здравствуй. Ну, слово за слово...

— Со слонѣмъ? Врешь. Мы тебѣ оторвемъ голову.

— Чего, со слонѣмъ? Это я не слону, а Мамилію, котораго слонъ затопталъ.

— Какъ же ты съ затоптаннымъ-то?..

— Тоже, умные... Слона я сейчасъ видѣлъ, а съ Мамиліемъ недѣли три. тому назадъ...

— А еще что слышно?

— Да больше ничего особенно. Лѣсъ у васъ тутъ сбоку горитъ, такъ что вашего селенья уже человѣкъ сорокъ обгорѣло. Лежатъ и очень вкусно пахнутъ, прямо пальчики оближешь...

Такой случайный человѣкъ и замѣнялъ въ первобытное время все почтово-телеграфное вѣдомство, начиная съ простенькаго аппарата Морза и кончая министромъ; онъ же представлялъ и ежедневное изданіе съ вечернимъ и утреннимъ выпускомъ.

Если онъ, завравшись, оставался въ селеніи до прихода слѣдующаго бродяги, который передавалъ факты въ совершенно иномъ видѣ — вмѣсто писемъ въ редакцію, одного изъ нихъ бросали въ канаву и, смотря по важности факта, доби-вали камнями или просто топили.

Человѣкъ же, падая ниже и ниже, завело и почты, телеграфы, и даже газеты съ десятью выпусками въ день. Популярныя книжки объ Америкѣ рассказываютъ, что въ Нью-Йоркѣ, на примѣръ, на каждого туземца приходится по девятнадцати открытокъ, немного меньше закрытыхъ писемъ и по тринадцати выпусковъ газеты въ день. Поэтому американцы освѣдомлены обо всемъ; каждый пьяный негръ знаетъ о тамбовскомъ земствѣ по радиотелеграфу. Если американецъ честно относится къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ, онъ цѣлый день читаетъ экстренные выпуски газетъ, въ промежуткахъ обѣдая и обогащаясь.

И вотъ, послѣ всѣхъ этихъ завоеваній въ области человѣческой освѣдомленности, я все же знаю касту людей, которая оповѣщается о событіяхъ по способамъ первобытнаго человѣчества. Это — дачники.

Въ Россіи городами называются такія мѣста, гдѣ стрѣляютъ на улицахъ. Кто и въ кого — это пустая формальность, но стрѣляютъ обязательно. Если населеніе занято рѣшеніемъ вопросовъ международнаго характера — стрѣляютъ изъ пулеметовъ; во время треній по вопросамъ мѣстнымъ — громоздкій пулеметъ охотно замѣняетъ болѣе компактная трехлинейная винтовка.

Горожане, которые не стрѣляют и не обстрѣливаются, а, удачно проползши по улицѣ, выбрались за городъ и заселили пригороды, называются дачниками. На дачахъ сравнительно спокойно, потому что туземцы ограничиваются однимъ обѣщаніемъ вырѣзать дачниковъ, какъ представителей буржуазнаго общества, къ осени, а до этого времени обѣ стороны спокойны. Дачники надѣются обмануть простоватыхъ туземцевъ и уѣхать незарѣзанными, а тѣ, въ свою очередь, откладывая этотъ національный праздникъ до уплаты дачниками всѣхъ причитающихся съ нихъ суммъ за наемъ дачи и предметы первой необходимости.

Сообщеніе между городомъ и дачей теперь вообще затруднено, такъ какъ желѣзнодорожное движеніе подвержено всѣмъ случайностямъ политической жизни. Иногда его приостанавливаетъ организація желѣзнодорожниковъ въ цѣляхъ борьбы съ городскими властями, иногда въ видѣ протеста противъ Временнаго Правительства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ поѣзда стоятъ, а дачники идутъ пѣшкомъ, независимо отъ того, сочувствуютъ они или протестуютъ.

Значительно хуже, когда въ дѣло отправки поѣздовъ вмѣшивается совершенно посторонняя организація, какъ, напримеръ, профессиональный союзъ пекарей. Неопытные въ этой области люди, они приостанавливаютъ движеніе во имя поддержки своихъ требованій и расходятся по домамъ, а поѣзда стоятъ до тѣхъ поръ, пока во имя протеста ихъ не пуститъ союзъ бухгалтеровъ и домовладѣльцевъ.

Тяжелѣ всего, конечно, приходится тѣмъ дачникамъ, которыхъ приостановка застаетъ въ пути, особенно на мосту. Дождаться въ поѣздѣ конца профессиональной борьбы между организаціей, приостановившей движеніе, и ея врагами — бесполезно, потому что все равно поѣздъ становится черезъ сутки на запасной путь, а машинистъ поблизости снимаетъ дачу, гдѣ у него по дружески располагается поѣздная бригада. Дачникамъ остается одно — погладить любящей рукой покидаемый багажъ и прыгать внизъ, чтобы идти куда-нибудь. Если выстрѣлы раздаются изъ города, они идутъ на дачу; если со стороны дачъ — они идутъ въ городъ. Если стрѣляютъ вездѣ, дачники остаются на мѣстѣ, раскладываютъ костры и постепенно дичаютъ.

Иногда поѣзда останавливаются случайными воинскими командами для осмотра, при чемъ каждый изъ осматривающихъ придерживается своей программы. Одному хсется задержать нѣмецкаго шпіона, другому дезертировъ, третьему представителей крупной буржуазіи, четвертому никого не хочется и онъ просто миролюбиво разрѣшаетъ кому-то проѣхать безъ билета. Большая часть пассажировъ высаживается, такъ какъ ни у кого не оказывается официальныхъ документовъ о непринадлежности къ заграничному шпіонажу, а старикъ въ чечунчовомъ пиджакѣ, снятый съ багажной полки, задерживаетъ поѣздъ, увѣряя, что у него нѣтъ никакого отношенія къ воинской повинности.

Меньшей части удается прибыть на дачу.

Прибываютъ они на дачу значительно раньше утреннихъ газетъ, которыя получаютъ не раньше пяти часовъ дня. Оторванные отъ города дачники уже ждутъ у калитокъ идущихъ со станціи и путемъ униженія, или сознательнаго обмана, стараются втащить ихъ къ себѣ, чтобы разспросить о томъ, что дѣлается въ городѣ.

— Ну что, стрѣляютъ?

У опрашиваемаго, даже если онъ выѣхалъ изъ города, когда все было спокойно, въ душѣ колебаніе.

«Чортъ ихъ знаетъ, — уныло думаетъ онъ, — скажешь, что спокойно, еще не повѣрятъ, что въ городѣ былъ. Бѣгаль, моль, къ вокзалу за спичками, а теперь вретъ».

Поэтому онъ отвѣчаетъ увѣренно:

— Стрѣляютъ.

— А кто?

Не желая оскорблять партійныхъ убѣждений спрашивающаго, онъ отвѣчаетъ уклончиво:

— Всѣ стрѣляютъ.

— А Коля въ городѣ... — мучительно вырывается у подошедшей дачницы. — Неужели и онъ...

Сосѣдъ по дачѣ, мрачно слушавшій новости съ балкона, сплевываетъ и хмуро кидаетъ куда-то вглубь, въ комнаты:

— Дождались... Знаешь этого, который съ сосѣдней дачи? Высокій такой, черный... Ходитъ по городу и стрѣляетъ...

Робкій голосъ со двора требуетъ подробностей.

— А изъ чего стрѣляютъ-то, баринъ? Пулемъ?

— Ясно. Не изъ пушки же...

Черезъ десять минутъ кухарка изъ угловой дачи дрожащимъ голосомъ передаетъ экстренно возбужденной хозяйкѣ:

— Барыня... Барыня... Изъ зеленой-то дачи господина убили... Въ городѣ, въ городѣ... Какъ ба-ба-хнуть изъ пушки, такъ и нѣтъ его.

— Сразу? — волнуется та, быстро одѣваясь и не попадая въ капоть.

— А какъ же... Что въ емъ — кожа да кости...

Не проходитъ и двухъ часовъ, какъ на дачѣ показывается друпой дачникъ, который въ городѣ не ѣздилъ, но все утро пробылъ на вокзалѣ и знаетъ всѣ новости.

— Василий Петровичъ! Ну, что?

— Здрасте. И не повѣрите...

— Да что вы...

— Увѣряю васъ. И такъ неожиданно... Керенскій — оберъ-прокуроръ синода, Брусиловъ — государственный контролеръ... Министръ финансовъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, министръ почтъ — министръ телеграфовъ...

— Погодите, погодите... Министръ почтъ и синода? Какъ это вы?

Рис. Н. Радлова.

ПОЭЗІЯ, ПРЕТВОРЕННАЯ ВЪ ПРОЗУ.

„Двухъ становъ не боець, а только гость случайный“...

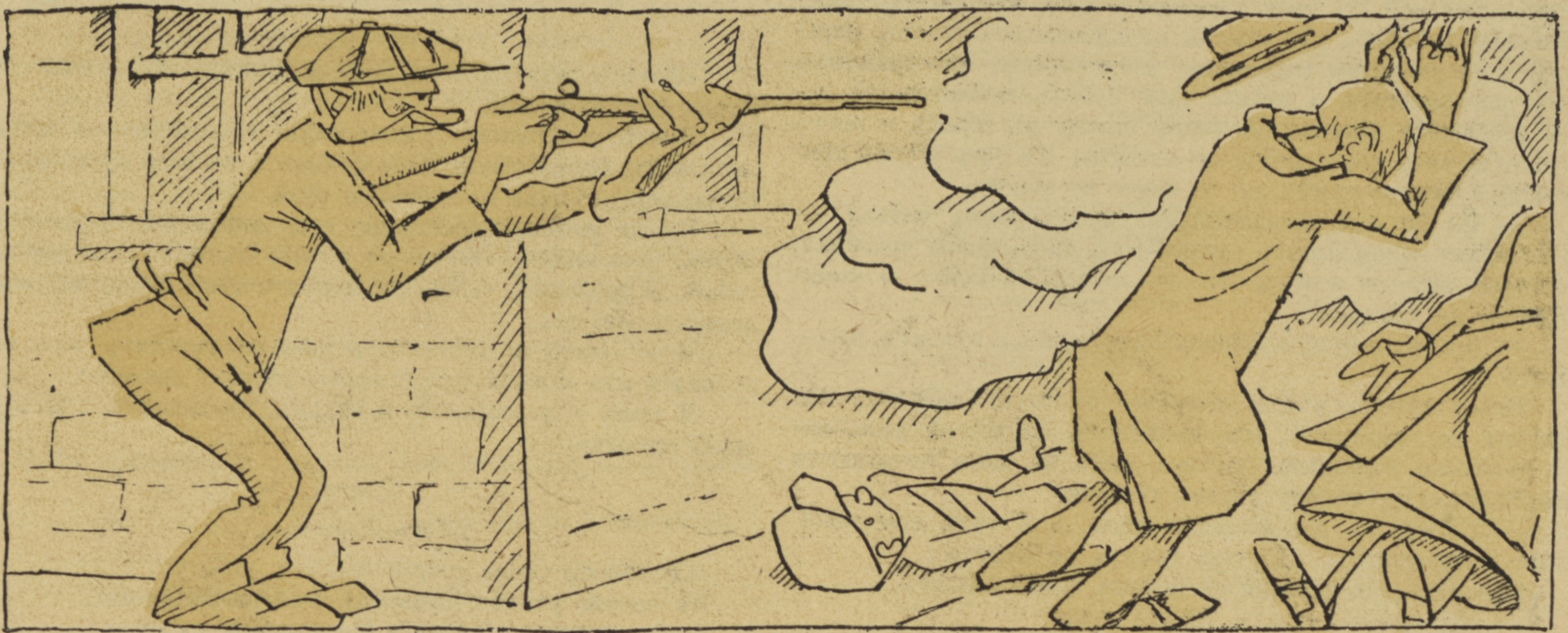

„Опытные африканскіе охотники ловят обезьянъ, разставляя пустыя дыни съ рисомъ. Пока алчныя обезьяны, захвативъ пищу, отъ жадности не могутъ разжать кулаковъ, охотники хватаютъ ихъ живьемъ“. (Брэмъ.)

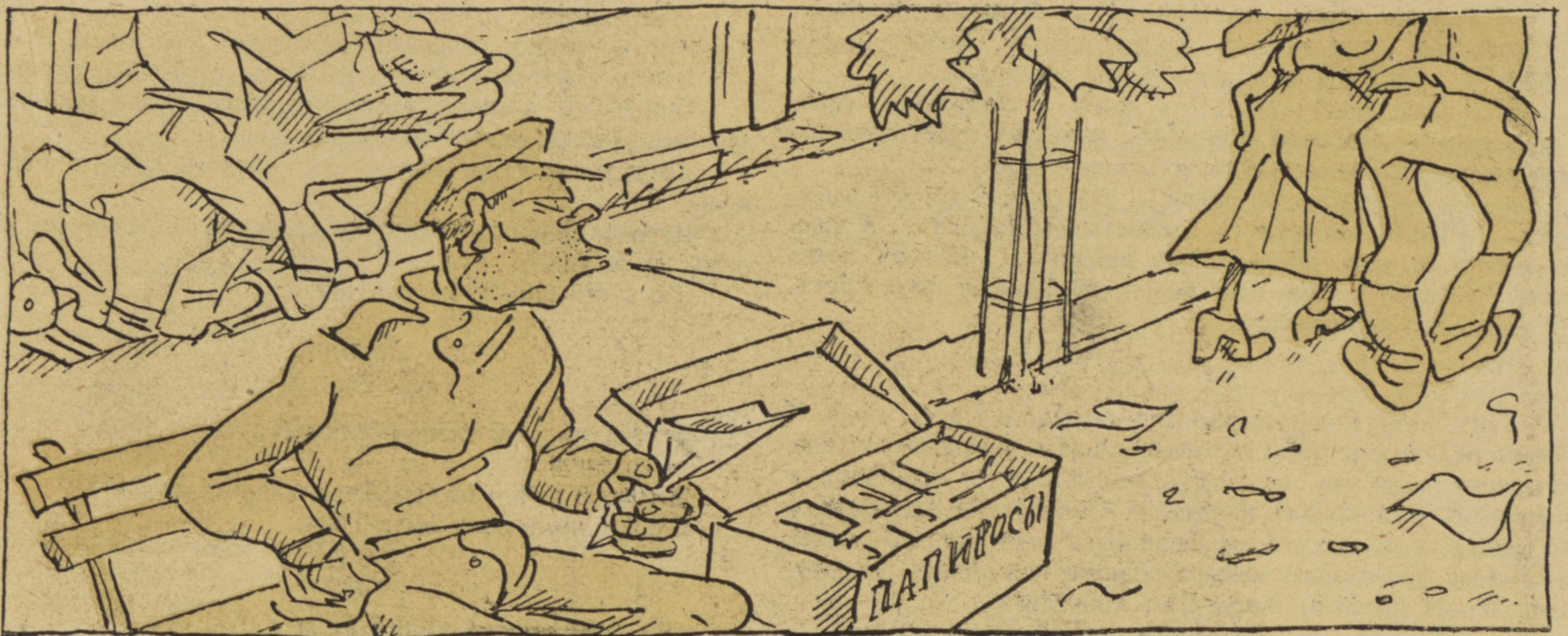
ТРИ ПРАВДЫ НАШИХЪ ДНЕЙ.

(Вместо некролога.)

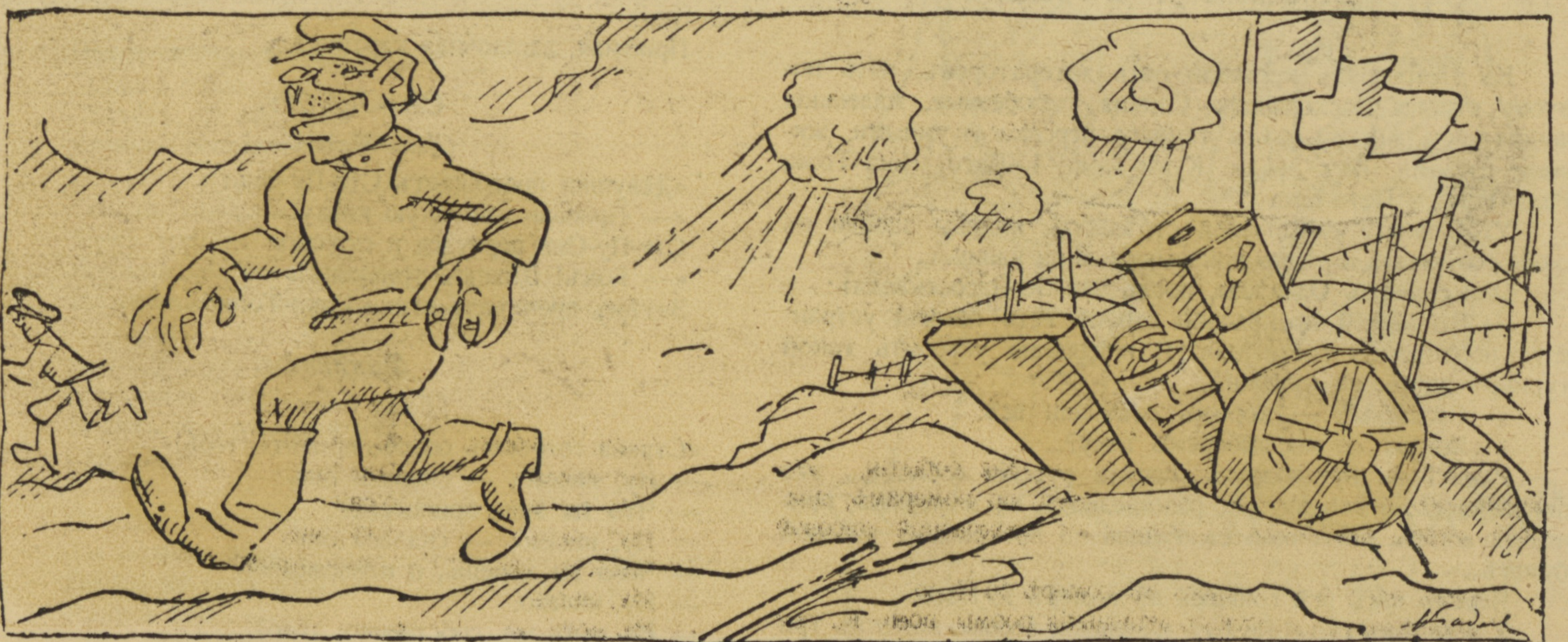
Рис. Н. Радлова.

„ПРАВДА“ (Петроградская.)

„СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА“.

„ОКОПНАЯ ПРАВДА“.

— Бѣгу, бѣгу...

До пяти часовъ на дачахъ срочно рѣшаютъ составъ кабинета. Человѣкъ на балконѣ, благодаря громкому голосу, является точнымъ освѣдомителемъ всѣхъ, и до маленькой дачки, стоящей съ краю, доходятъ уже совершенно опредѣленные свѣдѣнія, что синодъ отложился отъ Россіи, переходитъ въ почтовое вѣдомство, министерство иностранныхъ дѣлъ упраздняется, а вмѣсто него будетъ министерство путей сообщенія. Именно по этому поводу въ городѣ и идетъ стрѣльба, такъ какъ многіе не согласны. Въ пять часовъ приходитъ утрення газета, но ей никто не вѣритъ.

— Вы бы еще прошлогдній ежемѣсячникъ читали, — озлобленно ошпариваютъ какого-то добродушнаго человѣка, который читаетъ вслухъ, что въ городѣ спокойно и министерства на мѣстахъ.

— Купить такой исторической журналъ и думать, что — газета...

Всѣ рѣшаютъ ждать вечерняго выпуска, который или совсѣмъ не приходитъ, или приходитъ на другой день, немного позже утренняго, но такъ какъ въ немъ печатаются свѣжія новости, то ему вѣрятъ больше.

— Печать — это большая сила... А тутъ еще написано: экстренный... Даромъ писать не будутъ...

Человѣкъ, опоздавшій на поѣздъ, ѣдко кидаетъ:

— Буржуазная пресса. Ей все равно.

Это звучитъ такъ обидно, что кто-то сразу вмѣшивается.

— Можетъ быть, и я, по-вашему, буржуй?

— А кто же? — не сдаётся споздавшій. — Буржуй. Походите, рѣзать васъ будутъ еще...

Баба въ платкѣ печально качаетъ головой:

— Гдѣ же можно человѣка съ семействомъ рѣзать... Ну холостой — рѣжь его, плакать некому. Холостой, что собака — одинъ бѣгаетъ, а ежели съ семействомъ...

Если баба будетъ сожалѣть долго, станціонная сторожиха, ухомъ уловившая разговоръ, вечеромъ будетъ мрачно шептаться съ горничной богатыхъ дачниковъ:

— Ты господамъ-то скажи... На станціи-то, что говорятъ... Рѣзать, которые съ семействомъ, будутъ... А ежели холостой, такъ когда собаку найдутъ... Потому холостому человѣку собака одно баловство. Только мясо жретъ. Ну а имъ это не нравится...

Такъ живутъ отрѣзанные отъ большого города люди. И только рѣдкіе изъ нихъ, которые обѣщались оторвать голову газетчику, если онъ подойдетъ къ ихъ дачѣ, поливаютъ и живутъ въ счастливомъ невѣдѣніи. Осенью они пріѣзжаютъ въ городъ, и въ нихъ тоже начинаютъ стрѣлять. Въ однихъ по поводу тревожнаго международнаго положенія, въ другихъ изъ-за трений въ городскомъ хозяйствѣ.

Арк. Буховъ.

ПОЭТЫ ЯПОНЦЫ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Фельстонъ А. С. Триха.

Въ Петроградъ пріѣхали пять литераторовъ, пять поэтовъ страны Восходящаго Солнца, любезные, маленькіе японцы, съ лицами цвѣта темнаго персика и умными, живыми глазами. Ихъ звали: Куки-Тама, Ю-Пасо, Нога-Този, Раки-Топи и Пето-Ето.

Утомленные ежедневной стрѣльбой, японцы засѣли въ своей гостиницѣ и рѣдко показывались на улицу.

Они скучали. Однажды, послѣ чая, Ю-Пасо сказалъ:

— Въ нашей прекрасной странѣ есть обычай устраивать поэтическія состязанія. Я предлагаю устроить такой турниръ здѣсь, на чужбинѣ.

— Согласны! — хоромъ отвѣчали всѣ.

— Какую же мы выберемъ тему?

Раки-Топи предложилъ воспѣть русскія событія; это понравилось, и всѣ пятеро, разошедшись по номерамъ, принялись водить кисточкой съ тушью по прекрасной рисовой бумагѣ.

Черезъ часъ всѣ сошлись въ номерѣ Ю-Пасо.

У японцевъ существуютъ маленькія поэмы, всего въ три строчки (какія-то онѣ... забылъ, какъ называются), очень изящныя и картинныя. Назовемъ ихъ, хотя бы такъ (въ память забывчивости): «Каки-Таки-Они». Каждый написалъ по такой, вотъ, Каки-Таки-Они и по болѣе длинному стихо-

творенію. Наградой побѣдителю служила вѣтка цвѣтущей вишни.

Началь читать Куки-Тама:

Размышленіе.

(Болѣе длинное.)

«Вотъ наступила ночь, а надъ далекою Фузи-Яма сверкаетъ блестящій день.

Послѣ роскошнаго ужина изъ трепанговъ и гнѣздъ ласточекъ, беззаботный тыль отходить въ міръ лучезарныхъ сновидѣній, нѣжась въ шелкѣ и пухѣ.

Но не спятъ оберегающіе его, доблестные русскіе самураи. Они ходятъ толпой по улицѣ, цѣлуютъ прекрасныхъ гейшъ и продаютъ маленькія ароматическія папиросы и солёные о-гурь-тзы.

И я думаю о цвѣтахъ, которыми украсятъ ихъ вернувшіяся изъ похода безстрашныя русскія дѣвушки.

Я хожу и размышляю о силахъ, питающихъ этотъ великій народъ».

Озеро.

(Каки-Таки-Они.)

«Солнечное синее озеро.

Въ озерѣ, утопая, пускаетъ пузыри Ми-ш-ша.

Толпа. Митингъ. Утонуть Ми-ш-ша».

Затѣмъ выступилъ Ю-Пасо:

Летающій эки-ажъ.

(Болѣе длинное.)

«По члицамъ, прямымъ, какъ твоя бровь, — о, Нузи-Кимото! — летитъ изящный, черненькій Мерседесъ.

Шесть самураевъ стоятъ въ немъ, стрѣляя и распѣвая.

Они ѣдутъ, конечно, истребить опаснѣйшаго дракона, — дракона, рыкающаго на огненномъ западѣ.

Вотъ упала старушка, — въ каждомъ глазу у нея по пулѣ.

Истина! Драконъ обернулся старухой и стоялъ, въ очереди, за молокомъ.

Такъ все просто на свѣтѣ!»

Закатъ.

(Каки-Таки-Они.)

«Углемъ въ золѣ таетъ послѣдній лучъ.

Ты со мной.

Не говори мнѣ, что беременна анархистомъ».

Слѣдующимъ былъ Нога-Този:

Золото

«Въ этой странѣ много золота.

Откуда оно?

Я вижу бѣлокураго человѣка съ голубыми глазами.

Онъ раздаётъ золото. Это — нѣмецкій шпионъ.

Онъ ходитъ свободно, и его никто не трогаетъ.

Онъ любимый, дорогой братъ, проповѣдующій всеобщее счастье».

Пріятная, загадочная картинка.

Сте-Пу-Онь.

(Каки-Таки-Они.)

«Дѣвушка провожаетъ Сте-Пу-Онь:

«— Привези нѣмецкую каску!»

Сте-Пу-Онь вернулся и сказалъ:

«— Гохъ! Шнапсъ тринкенъ!»

Затѣмъ прочиталъ стихи Раки-Топи:

Финляндія.

(Болѣе длинное.)

«Страна голубыхъ озеръ, привѣтъ тебѣ!

— Ну, нисево, — сказала она.

— Что ты ѣшь, принцесса?

— Ну, нисево, — сказала она.

— Чего ты хочешь, о ненаглядная?

— Ну, нисево.

— Въ чемъ же, собственно, дѣло?

— Ридцать копеекъ.

Кайки лоппу! *)»

*) Кончено.

Мустаяки.

(Каки-Таки-Они.)

«Великолѣпное, веселое мѣсто!
 День сияетъ, какъ радуга!
 О, Мустаяки, рай земли, нѣтъ тебя краше!»
 Заключилъ состязаніе Пето-Ето.
 Онъ не читалъ «болѣе длиннаго». Онъ написалъ только
 «Каки-Таки-Они». Вотъ оно:
 «Вчера стрѣляли и сегодня стрѣляютъ.
 Довольно съ меня этого развлечения!
 Я ѣду въ Японію!»
 — О, Нипонъ, Нипонъ! — закричали всѣ, и награда,
 единогласно, присуждена была Пето-Ето.

А. С. Гринъ.

С К А З Ъ.

О Нилѣ святомъ, о нищемъ даяніи и золотомъ древѣ.

Е. А. Ситицкой.

Есть сказъ въ назиданье
 О Нилѣ святомъ,
 О нищемъ даяннѣ,
 И древѣ золотомъ.

Въ веригахъ, съ сумою,
 Всю Русь исходилъ,
 Измѣрилъ клюкою
 Молитвенникъ Нилъ.

Такъ голосомъ старымъ
 Онъ пѣлъ по дворамъ
 Князьямъ и боярамъ,
 Купцамъ и дякамъ.

— Пожертвуйте, люди,
 Грѣшна ваша плоть.
 Зачтетъ, не забудетъ
 Даяннѣ Господь.

Молю за обитель,
 Въ ней тяжело житье.
 И звѣрь и грабитель
 Пытають ее.

Цвѣтетъ страсотерпный
 Въ обители цвѣтъ.
 Затворниковъ вѣрный,
 Спасите обѣтъ.

Усердіемъ вашимъ
 Во вѣки сильна
 Давыдовой краше
 Да станетъ стѣна.

Пожертвуйте, люди,
 Грѣшна ваша плоть.
 Зачтетъ, не забудетъ
 Даяннѣ Господь.

Сплетались дороги
 Межъ градовъ и сель.
 Все крѣпкій, все строгій
 Молитвенникъ шель.

Сто лѣтъ онъ скитался
 И полнилъ суму,
 И разъ повстрѣчался
 Калѣка ему.

Сказалъ онъ: «По свѣту
 Ты ходишь давно...
 Прими же вотъ это
 Ржаное зерно».

Глядитъ въ удивленнѣ
 На нищаго Нилъ
 И въ трудномъ смятеннѣ
 Зерно уронилъ.

И видитъ — святое,
 Чудеснѣ сна,
 Не древо ль златое
 Взросло отъ зерна.

На немъ хризопрасы,
 Смарагдъ и сапфиръ,
 И птицъ сладкогласныхъ
 Диковинный клиръ.

Вотъ сказъ въ назиданье:
 Будь нагъ ты и босъ,
 Благое даяннѣ
 Умножить Христосъ.

Русь нынѣ мятется,
 Недужна, бѣдна,
 Но вѣрю — дождется
 Христова зерна.

Александръ Рославлевъ.

РАЗСКАЗЪ СЕНЬОРА ПИЦЦИ.

(Жовелла).

Въ гостиной сеньоры Фиорины Тамасты собралось небольшое, но избранное общество; сеньора Фиорина принимала по четвергамъ, и въ эти дни у нея бывали близкіе пріятные люди. Среди гостей присутствовалъ сеньоръ Анджело Пицци, глава фирмы «Терракотъ и мозаика братьевъ Пицци». Онъ недавно вернулся изъ Россіи, и, по просьбѣ очаровательной хозяйки, любезно согласился рассказать о своихъ впечатлѣніяхъ, а главное — объяснить многія странности русской жизни, совершенно непонятныя итальянцамъ.

Анджело Пицци закурилъ прекрасную сигару («педромуріасъ», двѣ съ половиною лиры штука) и началъ свой разговоръ.

— Друзья мои, Россія — удивительная страна! Въ ней все удивительно. Удивительные люди, удивительное вино, называемое по-русски — kvas, удивительная архитектура и

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНАЛОГІЯ.

Рис. Н. Радлова.

Во время французской революціи населеніе любило украшаться лентами.

Во время русской — тоже.

„ПРАВДА“

„РЪЧЬ“.

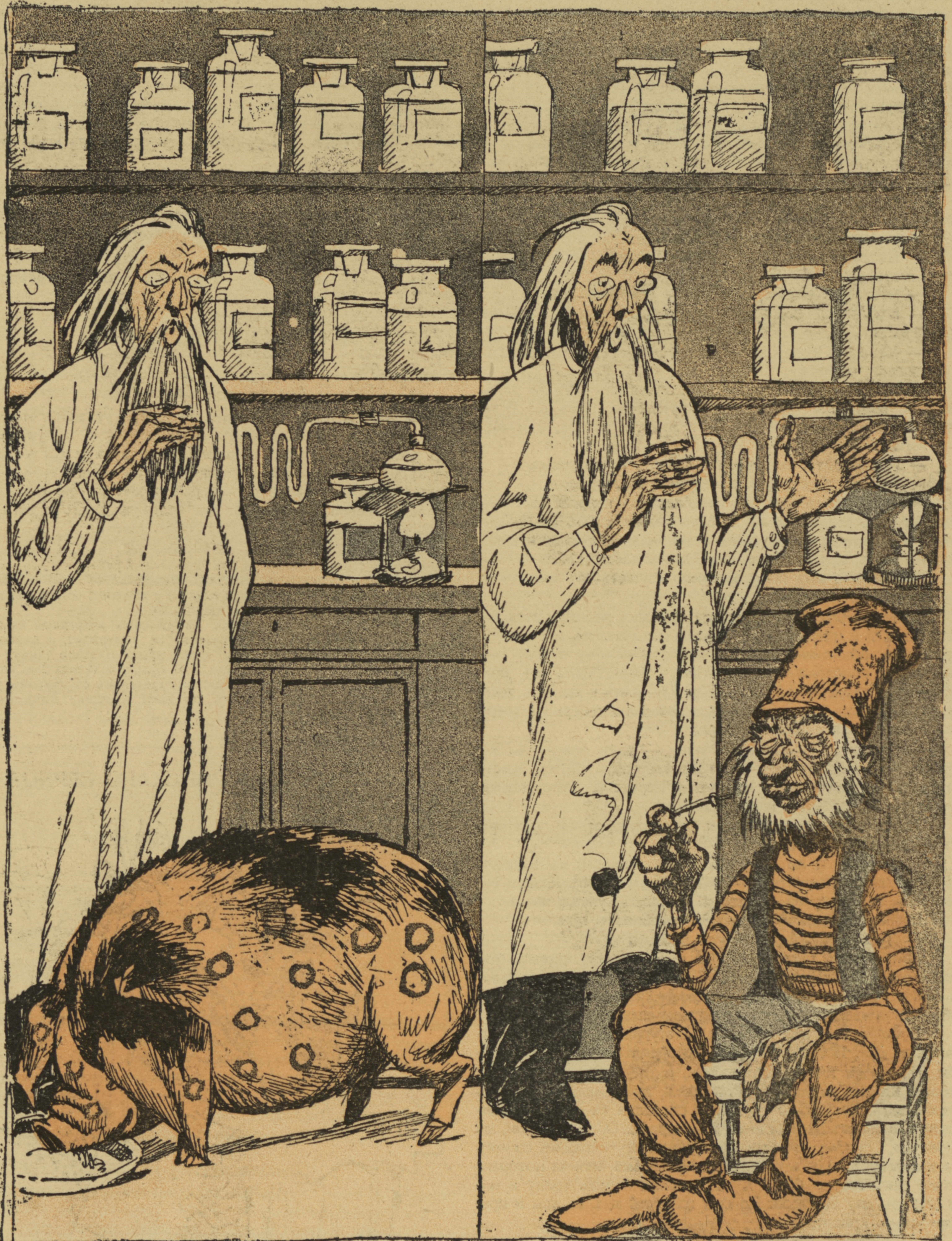
„НОВОЕ ВРЕМЯ“, „НАРОДНАЯ ГАЗЕТА“,
„ЖИВОЕ СЛОВО“.

„БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ“.

РЕЗЮМЭ НАБЛЮДЕНІЙ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Въ каждой свишь легко находятя финны.

Въ каждомъ финнѣ легко найти свиню.

удивительная революция! Почтеннейшее общество, какъ я замѣчаю, больше всего интересуется русскими большевиками? Вы совершенно правы, друзья мои, этотъ вопросъ очень интересенъ. Я не буду долго рассказывать вамъ о политической дѣятельности этихъ людей, — о ней вы знаете изъ газетъ. Постараюсь кратко передать одинъ эпизодъ изъ личныхъ наблюдений.

За нѣсколько мѣсяцевъ до революціи я стоялъ на одной изъ петроградскихъ улицъ въ длинномъ хвостѣ. По русскому обычаю получение сахара обусловлено стояніемъ въ очереди; какъ мнѣ объяснили, это — древній обычай византийскаго происхожденія. Итакъ, я уныло стоялъ въ очереди и вспоминалъ прекрасное небо Флоренціи и прекрасные глаза нашей очаровательной хозяйки, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ неизвѣстный и громко сказалъ:

— Въ очереди стоите? Ноженьки, рученьки утруждаете?

Я вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Въ очереди, говорю, стоите? Спинку и прочіе предметы гнете?

— Что вамъ угодно, сударь? — спросилъ я его.

— Вотъ вы, господинъ, въ очереди стоите, а жида масло прячутъ...

— Меня это совершенно не интересуетъ, — возразилъ я странному человѣку.

— Вы не сердитесь, господинъ. Это я изъ дружбы, такъ сказать. Вашъ покорнѣйшій доброжелатель. Вотъ вы тутъ стоите, а жида все спрятали, — и муку, и сахаръ, и дрова, и рельсы...

— Послушайте, вы говорите вздоръ. Какіе рельсы!

Вокругъ насъ уже собралась цѣлая толпа.

— Именно рельсы, — продолжалъ неизвѣстный, — спрятали всѣ рельсы. А вы думаете почему хлѣбъ не привозятъ? Они всегда такъ. Вотъ тоже мальчика схватятъ... Мука у нихъ, крупы ритуальныя, дрова хассидскія...

Друзья мои, мнѣ было противно слушать эту клевету и я вышелъ изъ очереди...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, началась великая русская революція, и я цѣлыми днями ходилъ по улицамъ и слушалъ ораторовъ, объяснявшихъ великому славянскому народу политическія проблемы текущаго дня. Представьте же мое искреннее изумленіе, когда въ большой толпѣ я увидѣлъ того самаго человѣка изъ очереди, призывавшаго теперь къ сверженію Временнаго Правительства.

— Товарищи, — гремѣлъ онъ, — разъ правительство временное, такъ значитъ его надо свергнуть. Долой министровъ-капиталистовъ! Черновъ и Церетели, продавшись буржуазіату, питаются нашимъ потомъ...

Дождавшись конца рѣчи, я осторожно отвелъ оратора въ сторону и сказалъ ему:

— Другъ! Я не вижу послѣдовательности въ вашихъ выступленіяхъ. Помните? — нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вы говорили въ сахарной очереди о рельсахъ, украденныхъ...

Незнакомецъ перебилъ меня отчаяннымъ крикомъ:

— Товарищи! Провокаторъ! Бейте его!

Мнѣ стыдно признаться, но я не посмѣю скрыть отъ васъ, что еще никогда въ жизни меня не били такъ больно, а, какъ вы сами знаете, — человѣку, занимающемуся коммерціей приходится бывать въ различныхъ положеніяхъ...

Прошло еще два мѣсяца. Наступили извѣстные вамъ июльскіе дни. Я былъ на улицѣ во время отчаянной стрѣльбы. По улицѣ мчался автомобиль, и изъ него стрѣляли въ толпу. Казаки задержали автомобиль, арестовали сидѣвшихъ тамъ лицъ, какимъ-то образомъ опознали въ нихъ германскихъ шпионовъ, и повели ихъ въ штабъ. О, друзья мои, вы конечно, сможете понять мое удивленіе, когда въ одномъ изъ арестованныхъ я узналъ того человѣка, изъ-за котораго меня такъ больно били! Я протискался черезъ толпу и посмотрѣлъ ему въ глаза. Но онъ плюнулъ мнѣ въ усы и презрительно крикнулъ:

— Буржуй!

Мятежъ былъ подавленъ. Черезъ недѣлю меня вызвали срочной телеграммой въ Италию, и я уѣхалъ. На вокзалѣ мнѣ пришлось долго стоять въ очереди у кассы. Тутъ я услышалъ за своей спиной чей-то громкій голосъ.

— Товарищи! Вы тутъ въ очереди стоите, а жида крупы прячутъ. И муку, и сахаръ прячутъ. Вотъ скоро дымъ прятать начнутъ...

— Какъ дымъ? — посыпались вопросы, — зачѣмъ дымъ? Что же съ нимъ сдѣлать?

— Вотъ то-то, вотъ и оно-то. Спрячутъ дымъ, а потомъ и выпустятъ на васъ, вотъ тогда вы всѣ и лопнете...

Я быстро обернулся. Думаю, что мнѣ не надо вамъ подсказывать, что поворившій былъ все тотъ же таинственный незнакомецъ. Я побѣждалъ разыскивать милиціонера, но пока мнѣ удалось заставить подняться этого лѣниваго человѣка, требовавшего во что бы то ни стало, чтобы я призналъ миръ безъ аннексіи и контрибуцій, — незнакомецъ успѣлъ исчезнуть... Какъ видите, друзья мои, политическія убѣжденія русскихъ людей очень своеобразны. Мы вообще совершенно не знаемъ Россіи, этого удивительнаго славянскаго сфинкса, — закончилъ свой рассказъ сеньоръ Анджело Пицци, глава фирмы «Терракотъ и мозаика братьевъ Пицци».

Сеньора Фиорина и ея гости также согласились, что они совсѣмъ не знаютъ Россіи, этого удивительнаго славянскаго сфинкса.

Бор. Мирскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Вѣрить такъ вѣрить!

Одинъ знакомый пишущаго эти строки увѣрялъ, что еще Маэусаиль, въ первый періодъ своей старости, задумывался надъ роковымъ вопросомъ современности: врутъ газеты вообще, или нѣтъ. Теперь, когда, кромѣ вѣры въ самого себя, приходится еще жить вѣрой въ вечерніе выпуски сенсационныхъ газетъ, не лишне сопоставить для примѣра одинъ и тотъ же фактъ изъ хроники, въ передачѣ двухъ газетъ:

„РУССК. ВОЛЯ“. Вчера, въ 8½ час. веч., въ Свѣчномъ пер. изъ адреснаго стола комиссаріата 2-го Московскаго района, съ 5-го этажа черезъ форточку, выльзла какая-то женщина, съ цѣлью самоубійства. Ее схватила сзади какая-то рука, и женщина осталась висѣть въ воздухѣ. Такъ продолжалось минутъ 20.

Собралась огромнѣйшая толпа, съ ужасомъ взиравшая на картину. Рука, удержавшая ее, наконецъ, не выдержала, и женщина, стремглавъ, упала внизъ. Ужасные крики толпы огласили улицу. Къ счастью, женщина упала не на панель, а на крышу подъезда 2-го этажа. Прибывшимъ въ каретѣ скорой помощи санитарамъ съ трудомъ удалось туда добраться; въ тяжеломъ состояніи женщина была отправлена въ Обуховскую больницу.

ИСПЫТАНІЕ МАТЕРИНСКАГО СЕРДЦА.

Рис. Н. Р.

— Что же ты убиваешься-то, матушка?

— Тебѣ легко, у тебя сынъ на фронтъ уѣзжаетъ, а я своего-то въ Кронштадтѣ провожаю...

„ВЕЧ. ВРЕМЯ“. Вчера въ комиссариатъ 1-го подрайона Московской части была доставлена задержанная на одной изъ улицъ молодая женщина, бывшая въ нетрезвомъ состоянн. Когда ее привели въ комиссариатъ, она начала буйствовать, затѣмъ, разбивъ окно, ухватила за водосточную трубу и повисла. Всѣ попытки снять ее успѣхомъ не увѣнчались. Опасаясь, что женщина можетъ упасть, комиссаръ вызвалъ пожарныхъ Московской части съ механической лѣстницей, но еще до прибытія ихъ женщина оборвалась и, упавъ на булыжную мостовую, разбилась. Со слабыми признаками жизни ее отвезли въ Обуховскую больницу.

Немного ниже объ одномъ и томъ же митингѣ:

„РУССК. ВОЛЯ“. Докторъ Вайнштернъ, вернувшійся изъ плѣна, возмущаясь разлагающей армію пропагандой, въ увлеченн готовъ рекомендовать даже возвратъ къ прежнему солдатскому уставу. Собранн кричитъ „довольно“.

„ВЕЧ. ВРЕМЯ“. Горячо и увлекательно встрѣченъ былъ вернувшійся изъ нѣмецкаго плѣна докторъ Вейнштердеръ.

Спрашивается: какъ же нужно относиться къ сообщаемымъ газетами фактамъ большого общественнаго значенія, если дружеская рука, по мнѣнню одной газеты, считается другой газетой водосточной трубой, крыша — мостовой, а крики собранн „довольно,“ — „горячимъ и увлекательнымъ (?) приѣмомъ“.

Недаромъ же говорятъ, что одинъ персидскій шахъ, уже сидя на колу и держа для утѣшенія свѣжую газету, прочелъ какую-то замѣтку и воскликнулъ:

— Даже и передъ смертью не познаешь истины!

Общій сотрудникъ.

Когда душевно больной, даже на пути къ выздоровленн, захочетъ издать газету, лучше отговорить его отъ этого.

Погому что стыдно будетъ не только ему — съ него вятки гладки, — а и тѣмъ, кто печатаетъ объявленн о такой газетѣ или журналѣ. До тѣхъ поръ, пока это дѣлали газеты, которымъ все равно что ни печатать — псалтырь, или списокъ веселыхъ заведенн, это было не такъ неудобно, но когда такое объявленн появилось въ социалистической „Новой Жизни“, становится прямо стыдно.

Текстъ объявленн сработанъ прямо подъ языкъ футуристическаго манифеста:

Если Александръ Де-Хартъ правъ,

что всѣ народы земли воплощаютъ собою извѣстные принципы частей органическаго цѣлага, причѣмъ Русскій (сердце) предрасположенъ къ алкоголизму, Нѣмецъ (легкія) — къ неврастенн, Американецъ (желудокъ) — къ маниакально-депрессивному психозу, Англичанинъ (полъ) — къ истерн, Французъ (глаза) къ сифилису мозга, Итальянецъ (органъ рѣчи) — къ прогрессивному параличу, Еврей (геморрой нашего времени) къ пѣнкосниманн, то, дѣйствительно (см. ч. III „Мудрость“, стр. 5), „современная война есть благо для всей земли, при условн, что неисчислимыя страданія и драгоценнѣйшія жертвы народовъ послужили бы искупленнмъ рѣховъ прошлаго и залогомъ свѣтлаго будущаго“.

Если Александръ Де-Хартъ не правъ

и все вышесказанное лишь бредъ безумца, то мы можемъ съ достаточнымъ основаннмъ признать себя болѣе или менѣ случайнымъ сборищемъ, вооруженнымъ разумомъ, индивидуумовъ, нынѣ этотъ разумъ потерявшихъ.

„Журналъ Дѣловаго Словѣка“ Александра Де-Хартъ представляетъ собою систематическій рядъ мыслей одного душевнобольнаго, благодаря которымъ человекъ, признанный безнадежнымъ даже врачами-специалистами, находится въ настоящее время на пути къ полному выздоровленн.

Писать на первой страницѣ горячія статьи о правахъ націи только для того, чтобы на второй страницѣ оповѣщать о сифилитичности Франціи и о томъ, что „еврей — геморрой нашего времени“ не имѣетъ никакого смысла. Для этого были специальныя газеты, удачно закрытыя еще въ мартѣ. Тѣ прямо на первой страницѣ писали.

Историческая причина.

Когда газеты взываютъ къ мужеству, чести и сердцу гражданъ, это трогаетъ. Когда онѣ кричатъ о гибели и спасенн — еще больше трогаетъ. Но когда большая политическая газета пишетъ:

Опытъ перевода исчисленія времени въ 11 часъ вечера 30 іюня 1917 г. въ Петроградѣ наглядно показалъ практическое неудобство означенія этого часа: неожиданное измѣненн часовъ внесло замѣшательство въ движенн трамваевъ и вызвало рядъ непредвидѣнныхъ неудобствъ для театральнаго и иной публики —

это совсѣмъ не убѣдительно. Говорить о непригодности такой большой государственной мѣры съ точки зрѣнн удобства театральнаго публики — такъ-же остроумно, какъ закрыть Пу-

бличную библиотеку только потому, что туда можетъ случайно забѣжать волкъ изъ зоологическаго сада, если его выпустятъ на свободу.

Не скрой мы, что это сдѣлала „Русская Воля“, ей было бы очень стыдно. Мы хорошо сдѣлали, что не назвали газеты.

Выкопали.

„Народное Слово“ открыло особый родъ политической литературы: подземную.

— Въ ночь на 15 іюля по 5-й Рождественской улицѣ милиція обнаружила типографію, гдѣ печаталась газета „Гроза“. При обыскѣ обнаружено много подземной литературы.

Въ утѣшенн для насъ газета непременно должна назваться митрополитенъ — подпольной желѣзной дорогой.

Два черепа и много ословъ.

Фактъ, который все же больше говоритъ о вредѣ невѣжества, чѣмъ вредѣ медицины, несмотря на то, что изъ-за послѣдней могли убить цѣлое семейство.

Въ Таганрогѣ толпы женщинъ производятъ обыски въ магазинахъ, складахъ и квартирахъ мѣстныхъ торговцевъ, отыскивая спрятанные будто бы продукты. Надъ нѣкоторыми торговцами толпа устроила самосудъ. Мясоторговецъ Дурановъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ колбасу изъ человѣческаго мяса. Основаннмъ къ этому обвиненн послужили найденные въ квартирѣ Дуранова два черепа, по которымъ его дочери — курсистки изучали медицину.

Нѣкогда френологи что-то узнавали по черепамъ. Это было спокойное и мирное занятн. Когда хочеть о чемъ-то узнать по черепамъ разъяренная толпа, ворвавшись въ домъ, такое изученн нельзя назвать мирнымъ и спокойнымъ.

Ждетъ...

Говорятъ, что путевые встрѣчи и разговоры всегда пусты и легко забываются. Нѣкогорыя стоить запомнить. На совѣщаннхъ центр. органовъ демократн, представитель сѣверо-западнаго района

Опелянскій.

Чл. С. С. и Р. Д., рассказывалъ, что 18 іюня, въ вагонѣ услышалъ горячій споръ. Въ спорящихъ узналъ между прочимъ Пуришкевича. „Если вооруженныя толпы, говорилъ Пуришкевичъ, выйдутъ на улицу, большевики не сумѣютъ съ ними справиться.“

И когда начнется рѣзня, то власть перейдетъ не къ намъ, а къ кадетамъ, и мы знаемъ, что намъ рано ее еще брать, и тогда вась согнуть въ бараннй рогъ. Вы забываете о нашемъ союзникѣ — обывателѣ. Этотъ сфинксъ молчитъ, пока онъ имѣетъ кофе, сигару. Но когда онъ испугается, то онъ бросится въ объятія наши, а не ваши“.

— Вотъ, что, приблизительно, мнѣ пришлось услышать отъ Пуришкевича.

Больше и не надо. Къ этому и самъ Пуришкевичъ врядъ ли что добавитъ.

СЛОВО НА БАЗАРНОЙ ПЛОЩАДИ.

Торгуйте бойчѣй, безъ убытка
Гордостью, честью, стыдомъ.
Ваша совѣсть пляшетъ такъ прытко,
Что за ней услѣдишь съ трудомъ...

Вы отъ удачи въ угарѣ,
И смѣхъ трясеть животы,
Мнѣ же на вашемъ базарѣ
Жутко и жаль мечты.

Мечта о свободѣ, — цвѣтокъ зарно-алый
Брошень, измятъ.
Только шумъ нарастаетъ шалый,
И у каждаго алчень взглядъ.

Быль пѣвень, какъ солнце, чудесенъ
Жертвенно-терный расцвѣтъ.
Теперь вамъ не надо пѣсенъ,
Не нуженъ поэтъ.

Довольно балладъ и элегій,
Сонетовъ о небѣ, огнѣ...
Гирей по черепу мнѣ —
Смажьте мозгомъ колеса телѣги.

Вамъ телѣга куда нужнѣй
Пѣсенныхъ сновъ и грезъ:
Вы повезете на ней
Навозъ

Александръ Рославлевъ.

ОНЪ ПРОТЕСТУЕТЪ.

Дезертиръ: — Эй, барышня, на фронтъ пожалуйста... Нечего тутъ въ тылу околаваться...

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(Специально для порчи характера и развращения.)

Идет коза рогата, рога у ней длинные, хочет она забодать Петеньку, а Петенька... Впрочем, къ чорту и Петеньку и козу. Не въ нихъ дѣло.

Къ моему прадѣдушкѣ пришелъ чортъ и сказалъ:

— Ты чего лодырничаетъ?

Если бы мой прадѣдушка чувствовалъ и въ то время себя уже предкомъ, онъ, конечно бы, отвѣтилъ исчерпывающе:

— А тебѣ какое дѣло?

Но въ это время мой прадѣдъ былъ долговязымъ глупымъ парнемъ и началъ оправдываться:

— А я такъ. Хожу.

— А ты бы, шелопаи, о дѣтяхъ позаботился, — укоризненно покачалъ головой чортъ, — вотъ такъ ходишь, свистишь, а потомъ народишь нищихъ, будутъ они жить несчастныя.

Послѣ этого момента прадѣдъ сразу поглупѣлъ. Онъ пересталъ нюхать цвѣты, пересталъ свистать, играть на скрипкѣ и заботиться о своемъ здоровьи. Женился на рыжей старухѣ, у которой были деньги, сталъ работать круглыя сутки и, рождая дряблыхъ головастиковъ, довольно усмѣхался:

— Вотъ тебѣ и Иванъ Никаноровъ! Самъ-то съ чахоткой, самъ-то грамотѣ не научился, самъ-то отдыха не видѣлъ, а зато для дѣтишекъ жизнь приустроилъ.

Взялъ да умеръ. Отъ него и пошли мы, Никаноровы. Къ каждому изъ насъ приходилъ свой собственный чортъ и спрашивалъ:

— А что для дѣтей приустроилъ?

А мы-то, мы-то старались. Вдругъ, молъ, черезъ сто лѣтъ моего правнука персъ живьемъ заѣсть; вали, братцы, къ персу животомъ на пику, задавимъ его мерзавца. Давимъ. А вдругъ черезъ двѣсти лѣтъ праправнуку пить захочется — рой лбомъ канаву. Рыли.

И странное дѣло — чѣмъ дальше, тѣмъ работы больше. Дѣдъ на отца, отецъ на сына, сынъ на своего сына — всѣ въ потъ лица умирали, а работа какъ комъ растетъ. И всѣ мы, чахоточные, рыжіе, безутѣшные, безпокойные, безрадостные.

И нашелся вдругъ въ нашемъ родѣ одинъ головотяпъ. Вышелъ онъ на площадь, всталъ на колѣни да какъ завопить:

— Народъ крещеный! Разрѣшите на пику не лѣзть!

— Разрѣшаемъ, — это народъ-то ему отвѣчаетъ.

— Разрѣшите лобъ не разбивать!

— Разрѣшаемъ.

— Разрѣшите для себя пожить!

— Живи. Дѣло твое.

И пошелъ головотяпъ жить. Насѣялъ хлѣба столько, сколько для потребы надо. Наварилъ квасу, меду, даже розовый кустъ подъ окномъ посадилъ.

— Для-ча розы-то, охальникъ? — спрашиваетъ его сосѣдъ.

— Нюхать.

— А дѣти-то что твои нюхать будутъ?

— Пока при мнѣ розы и будутъ, а потомъ — хотъ кирпичъ. Мнѣ-то што.

Коротко говоря, поздоровѣлъ человѣкъ, духъ въ немъ бодръ, на мордѣ улыбка, самъ веселый, жизнью не нахвалится. Ребята отъ него тоже здоровые да веселые...

Такъ бы и дальше шло, да къ сыну головотяпа этого снова чортъ присыпнулся:

— Какъ, — говоритъ, — тебѣ не стыдно, — землю ромашкой для запаха обсаживаешь, пѣсни поешь, ноздрей левой ароматъ тянешь, а не подумалъ, что можетъ это поле у внука твоего китайцы длинноволосые схватить...

И пошелъ внукъ головотяповъ. Для сына съ китайцами воевалъ, для внука царя посадилъ, для правнука отъ ромашки отказался, а для правнуковой дочери изъ ржаной соломы крышу съ дома снялъ, черепицы наложилъ, чтобы крѣпче сохранилась. Такъ подъ черепицей два вѣка мы, Никаноровы, и прѣли.

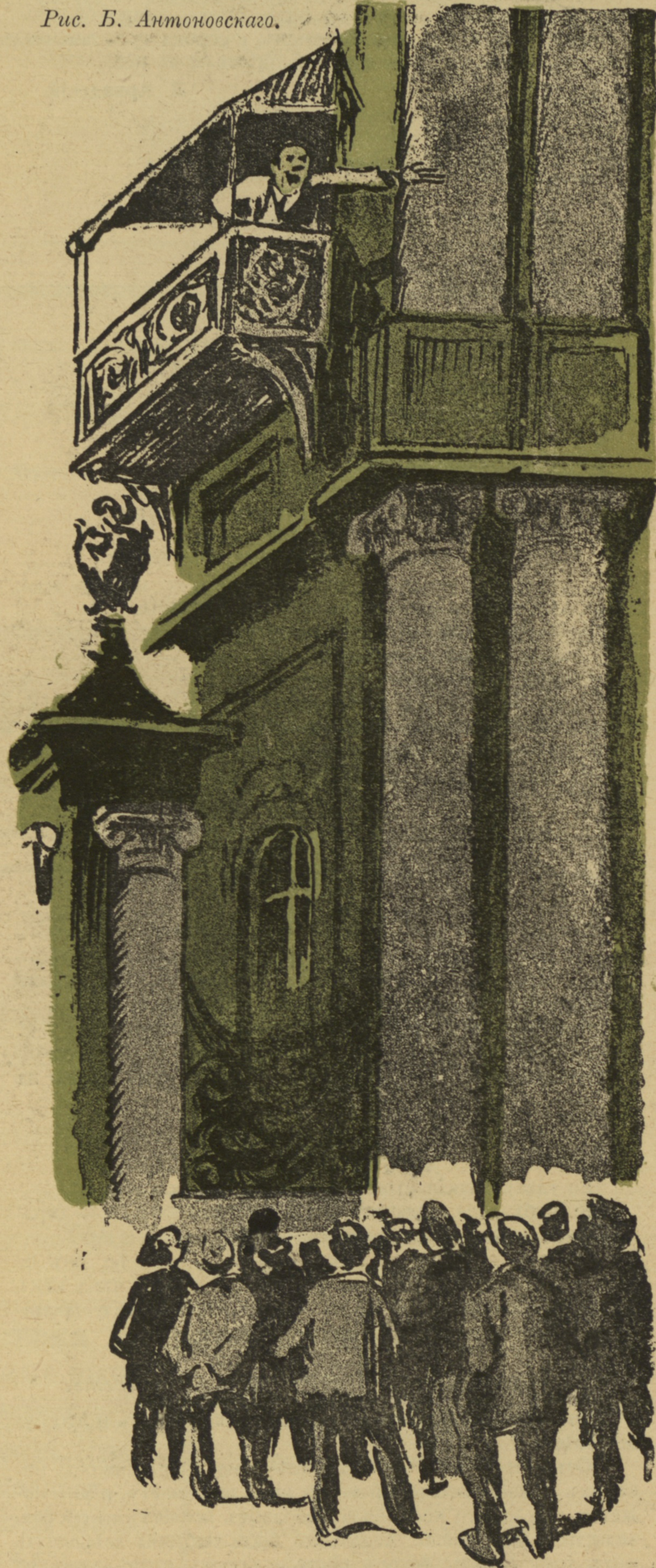
И пошли мы опять хилые, безутѣшные и заботливые. Маемся, да о дѣткахъ заботимся.

Поэтому-то, дѣтки, когда подрастете, когда будете здоровыми, сильными, веселыми, захочется вамъ работать для себя, жить для себя по-своему и придетъ къ вамъ чортъ на-

счетъ дѣтей и внуковъ напоминать, поклонитесь вы ему въ поясъ и скажите вѣжливыя:

— Ай ты, гой, еси, распаршивый чортъ... Убирайся ты ко всѣмъ дьяволамъ со малыми ли, со дѣтишками, со моими ли, со внучатами. Самъ я жить хочу, для дѣтей рождень, а умру, пойду въ преисподнюю, а...

Рис. Б. Антоновскаго.

РѢШИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

— Товарищи! Сейчас объявлена диктатура Временнаго Правительства, и министры очень просятъ васъ, если можно, не шумѣть подъ окнами, не брать ихъ автомобилей, не стрѣлять и, если можно, до вечера не требовать отставки кабинета...

Чортъ не дослушаетъ и по старо-русскому обычаю скромно отвѣтилъ:

— Ну и чортъ съ тобой, добрый молодець. Не прошло съ тобой, я къ дружимъ пойду. Дураковъ-то у насъ — ахты, гой, еси...

Тутъ и сказкъ конецъ. Пошли, значить, они подь вѣнецъ. Я тамъ былъ, медь-пиво пилъ. Идетъ сорока-бѣлобока. Этому дала, этому дала. Впрочемъ, и сорока тутъ лишняя. Я ее только для приличія вставилъ. Дѣло не въ ней.

Л. Аркадскій.

ВЪ ЗАЩИТУ СМѢХА.

Въ годину стройки и распада,
Безилля, злобы, клеветы,
Стихи творчества и ада,
Распутства, мести, красоты
Заносишь ты, рука поэта,
Нагайку хлесткую свою,
И въ это призрачное лѣто
Пріемлешь свѣтлый пылъ въ бою.
Гуляй по спинамъ фарисеевъ,
Рабовъ вчерашняго числа,
Подъ знамя скрывшихся злодѣевъ,
Клеветовъ царскаго орла...
Казни испугъ слѣпого труса,
Въ подполье скрывшаго мошну,
Избавь конторщика отъ флюса,
И въ щуплый мозгъ вдохни весну...
Гуляй по спинамъ съ жаркимъ свистомъ,
Гони съ дороги воронье,
Его дыханіемъ нечистымъ
Мечты отравлено копье.
О, не щади распутства свѣта,
Пусть не смолкаетъ дерзкій кличъ
И пусть не дрогнетъ мощь поэта,
Подъемя Ювеналовъ бичъ!...

Александръ Флитъ.

КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ МОМЕНТУ.

Теперь, когда мы, наконецъ, получили свободу и будемъ сами устраивать свою государственную жизнь, гражданамъ Россіи необходимо ознакомиться со всѣми существующими формами правленія и изъ нихъ выбрать лучшую.

Я ознакомлю читателей съ персидской конституц... т.-е. съ персидской монарх... а чортъ, вообще съ персидской формой правленія, при чемъ, дабы не давить нравственно на читателя, воздержусь отъ оцѣнки.

Глава государства.

Во главѣ Персіи стоитъ ограниченный монархъ.

Во избѣжаніе кривотолковъ спѣшу оговориться — ограниченный меджилисомъ монархъ.

Называется монархъ этотъ шахомъ и, точнѣе, онъ не стоитъ во главѣ управленія, а сидитъ или лежитъ, такъ какъ другія положенія (ходячее и стоячее) шахскому тѣлу принимать трудно, вслѣдствіе чрезмѣрной полноты.

Отношенія шаха къ меджилису и наоборотъ.

Чтобы много не распространяться, скажу такъ и это будетъ вѣрно.

Отношенія шаха съ меджилисомъ идеальны; никогда никакихъ трений и несогласій между ними не бываетъ, и мнѣ кажется, что на это косвеннымъ образомъ повліяло то обстоятельство, что члены меджилиса были избраны двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ выборовъ разѣхались на Шахсей-Вахсейскія каникулы и возвратиться еще не успѣли. Персія—страна съ недостаточно развитой сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Финансы.

Деньги — все для государства, поэтому я нѣсколько подробнѣ остановлюсь на персидскомъ способѣ собиранія податей и налоговъ, какъ на средствѣ пополнить государственную казну.

Правительственные сборщики податей получаютъ приказъ къ такому-то числу собрать съ населенія причитающіяся деньги. Надо вамъ замѣтить, что населеніе Персіи раздѣляется на племена и роды, во главѣ которыхъ стоятъ ханы. Этимъ дѣло упрощается; сборщики сѣдаютъ эшаконъ*, берутъ мѣшки, прощаются съ семьей и отправляются къ ханамъ. Черезъ нѣкоторое время возвращаются предъ грозныя шаховы очи. На днѣ мѣшковъ что-то звякаетъ.

— О, радость Аллаха, о повелитель!..

— Короче!

— Ой Аллахъ, ой яманъ! Проклятый Баграмъ-ханъ далъ два тумана, Сулейманъ, Матлапъ-ханъ и пр. тоже по два. Поворятъ дели бы больше, да сейчасъ самимъ надо.

— Кефайоглы!* А вы говорили, что имъ не нужно, а мнѣ нужно, что у меня жены, дѣти, министры тамъ разные...

— Говорили, улыбка Аллаха!

— А они что?

— Сказали, пусть продастъ гаремъ, разгонитъ министровъ, а самъ къ папенькѣ ѣдетъ**.

— Такъ и сказали?

— Такъ и сказали.

Шахъ на минуту задумывается, потомъ, всплывъ, зоветъ секретаря.

— Пиши фирманы Баграмкѣ, Сулейманкѣ, Матлапкѣ и пр. Объявляю ихъ обезглавленными, а имущество ихъ конфискованнымъ.

Фирманы*** вручаются гонцу, и онъ привозитъ шаху устный отвѣтъ.

— Солнце Ирана! Баграмъ и пр. и пр. сказали «якши» (хорошо).

— То есть какъ якши?

— Якши, говорятъ, передай шаху, что мы будемъ считать себя обезглавленными, а наше имущество конфискованнымъ. Ничего, пусть богатѣетъ на здоровье. А еще передай, чтобы никакихъ эшаконъ больше не присылалъ и что самъ онъ э...

— Ну, довольно, пошелъ вонъ, разѣкался тутъ, паршивецъ...

Насколько я знаю, персидская система собиранія податей и налоговъ не похожа ни на какую другую. Это своя особая система: хорошая, но немного жестокая.

Управление провинціями.

Провинціи управляются губернаторами, которые не назначаются, а выбираются, при чемъ это дѣлается такъ.

Въ Тегеранѣ шахскіе министры выбираютъ среди богатыхъ персовъ человекъ 20 самыхъ богатыхъ и приглашаютъ ихъ къ шаху.

Персы спѣшно заказываютъ цѣнности въ тайники и, одѣвъ старые балахоны, идутъ.

Шахъ ласково съ ними здороваются.

— Селямъ*. Ваша мудрость служить мнѣ достаточной гарантіей того, что изъ васъ выйдутъ отличные губернаторы. Жалованье по 50.000 тумановъ. Въ канцеляріи разберетесь кто куда.

И всѣ выборы окончены.

Шахъ уходитъ, «губернаторы» начинаютъ выть. Воютъ день, два, наконецъ собираются, уплачиваютъ шахскому казначею по 50.000 тумановъ и ѣдутъ въ губерніи выколачивать какими угодно способами всеи туманы обратно.

Просвѣщеніе и военное дѣло.

Просвѣщеніе у персовъ... Да, впрочемъ, довольно. Самую суть я уже изложилъ, а остальное — мелочи.

Политикъ.

Б Е З С П О Р Н О Е.

— Читали? «Гроза» того... канула въ Лету!

— Ну, значить, Лета теперь грязнѣй Фонтанки!

К.

1) Эшакъ — осель. Два эшака-два осла.

2) Ругательство. Переводить не стоитъ.

3) Отецъ шаха изгнанъ народомъ и живетъ въ Одессѣ.

4) Указы.

5) Здравствуйте.

6) Туманъ — 2 рубля.

Отъ редакціи.

Въ № 26 „Нов. Сат.“ подъ рис. Ре-ми „Какъ представляютъ себѣ диктатора“, благодаря техническому недосмотру, оказались ошибочно поставлены не тѣ подписи. Подъ первымъ рисункомъ должна была стоять подпись: „АНАРХИСТЪ“, подъ послѣднимъ — „МОНАРХИСТЪ“.

Ред.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на вопросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, менѣе печатнаго листа уничтожаются.)

Провинція.

Казань. — Кокъ съ сокомъ. — Изъ самопризнаній Коки:

„Какъ только возьму вашъ журналъ въ руки — такъ сейчасъ же хочется писать“.

Завтра же прекращаемъ „Новый Сатириконъ“.

Ave.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Вышло въ свѣтъ
четырнадцатое изданіе

КНИГИ

Аркадія Аверченко.

„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ:

„ДѢЯТЕЛИ СВОБОДНОЙ РОССІИ“

М. В. Родзянко;	Г. В. Плехановъ;
ка. Г. Е. Львовъ;	Е. К. Брешко-Брешковская;
И. С. Чхеидзе;	И. Г. Церетелли;
А. Ф. Керенскій;	Н. В. Некрасовъ

Портреты исполнены художникомъ А. Смольковымъ изъ текста лучшихъ рѣчей каждаго дѣятеля.

Форматъ 40×30 сантиметровъ.

Цѣна каждаго 50 коп.

Портреты отпечатаны на плотной альбомной бумагѣ.

Заказы адресовать: Фотоинкогр. Эд. Эд. Новицкаго, П-дъ, Казацкая, 6.
Оптовымъ покупателямъ скидка.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:
Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —
Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальные выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятіе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. — Книготорговцамъ — скидка обычная.

Марксизмъ: — Товарищи, продолжайте свое дѣло, я охраняю васъ...

Радаковъ